Правительство и террор

2 экз

2010
1
83

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!“

600 30 ЦГ7 П861

БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ 4/12197

Правительство и терроръ.

Четыре послѣднихъ террористическихъ акта неожиданно омрачили праздникъ реакціи. Черный призракъ террора уничтожилъ упоеніе ея торжества. Прерваны въ самомъ разгарѣ побѣдныя ликованія. А еще такъ недавно они достигали своего апогея. Все казалось, было подавлено желѣзной рукой насилія и гнета. Все живое смолкло. Вольно и радостно раздавались голоса побѣдителей. «Mais quelqu'un troubla la fête»... За столомъ пируютъ. Заздравныя чаши наполнены кровью. Пьютъ за новыя побѣды, пьютъ за казни новыя, и опрокинутые стаканы заливаютъ кровью дорогую скатерть. На пиръ призвана и вѣрная надежная союзница побѣдителей—смерть. Она по праву можетъ предсѣдательствовать на этомъ празднествѣ.

La mort a bu du sang.
Comme un vin frais et bienfaisant,
Il coule doux aux joutes de la cuirasse
De sa carcasse.

И за него пьютъ всѣ, и всѣ веселы... Но вдругъ прошелъ среди пирующихъ черный призракъ и опустѣло одно мѣсто у стола... И съ блѣднымъ ужасомъ въ глазахъ, взглянули всѣ на нетронутый приборъ и онъ показался какою то черною, зіяющею брешью. Но снова наполняются стаканы—вѣдь много всѣхъ еще—и снова вспыхнуло веселье. Случайное, несчастье забыто... Но снова призракъ промелькнулъ какъ тѣнь, и снова чье то мѣсто опустѣло. Блѣднѣютъ всѣ. Встаетъ одинъ изъ самыхъ властныхъ и отдаетъ приказъ закрыть всѣ входы, поставить стражу всюду у дверей. Теперь никто ужъ не проникнетъ, всѣ въ безопасности. И снова раздаются ликованія и снова пьютъ кровавое вино. Дру-

2экз

гой встаетъ и, наполняя черезъ край стаканъ виномъ, онъ хочетъ предложить бодрящій тостъ, за гибель всѣхъ враговъ. Но вотъ опять пустѣетъ мѣсто, палъ тотъ самый кто далъ приказъ о стражѣ. И палъ другой, не кончивъ тоста, и чаша выпала со звономъ и расплескалось вино. Все празднество нарушено. Всѣ вскочили, столпились въ безпорядкѣ. Иные злобно сжимаютъ кулаки и бормчутъ проклятья. Многіе готовы смѣнить веселье на мольбы или на бѣгство. Гдѣ искать спасенья? Самая смерть измѣняетъ...

«Notre Mère la Mort, pitié! pitié!
Ne bois ton verre qu'a moitié»...
Mais la mort n'est point celle qu'on éconduit
Avec un pen de prière et de bruit...

Въ самомъ дѣлѣ, «очень сильное впечатлѣніе» на сферы отмѣчаетъ почти вся печать. По свидѣтельству даже такой осторожной, сдержанной и мало благосклонной къ террору газеты, какъ «Рѣчь», на правительственныя сферы «послѣднія событія произвели удручающее впечатлѣніе, открывъ, наконецъ, глаза; и—какъ выразился ген. Орловъ, усмиритель прибалтійскаго края, убійство главнаго военнаго прокурора Павлова, рѣшаетъ участь военно-полевыхъ судовъ». (№ 254). Въ др. № органъ к.-д. отмѣчаетъ «переполохъ, вызванный въ административныхъ сферахъ послѣдними событіями». На ряду съ вялыми разговорами о новомъ усиленіи репрессій, «Рѣчь» отмѣчаетъ и другой результатъ совершенныхъ террористическихъ актовъ: неожиданныя попытки заигрыванія съ оппозиціей. «По части перспективъ насъ соблазняютъ возможностью смѣныминистерства, толкуютъ о необходимости для правительства примириться хотя бы съ частью оппозиціи, столковаться съ будущей думой... Говорятъ даже объ отмѣнѣ сенатскихъ разъясненій избирательнаго закона, хотя бы и пришлось отсрочить созывъ думы для составленія дополнительныхъ списковъ» («Р.», № 255). «Русь» еще болѣе опредѣленно говоритъ о теченіи въ пользу уступокъ, о томъ, что «многимъ правящимъ лицамъ не въ моготу больше жить, подъ вѣчнымъ страхомъ, не за жизнь только, а и за репутацію», такъ что «въ бюро-

кратіи все чаще приходится слышать настойчивыя требованія объ отмѣнѣ репрессій, о необходимости возврата къ положенію 17-го октября въ его чистомъ видѣ». (№ 83). На лицо слишкомъ вѣскіе аргументы: «Кровавые факты говорятъ о томъ, что въ высшемъ бюрократическомъ мірѣ, зіяютъ пустыя мѣста, вырванныя революціей вопреки всему двинутому противъ нея арсеналу испытанныхъ средствъ, оказывающихся непригодными» (№ 88).

Констатируя, что Лауницъ былъ приглашенъ на торжество, стоившее его жизни, «всего за одинъ—два дня, и собственноручнымъ письмомъ, не пригласительнымъ билетомъ», «Русь» сообщаетъ, что «доказанная послѣдними покушеніями прекрасная освѣдомленность террористовъ, ставитъ въ тупикъ высшій охранный надзоръ». Еще болѣе сильное впечатлѣніе съ этой точки зрѣнія произвела, естественно, смерть Павлова. Въ самомъ дѣлѣ, какихъ только предосторожностей не было выдумано, чтобы сохранить этого палача, давно обреченнаго на смерть неписаннымъ приговоромъ народной совѣсти? Вотъ что по этому поводу сообщалось въ газетахъ: «Особыя мѣры были приняты ген.-лейт. Павловымъ, тотчасъ же послѣ «историческаго» засѣданія Госуд. Думы, вслѣдъ за которымъ генераломъ было получено нѣсколько писемъ, угрожающаго характера». Вернувшись съ выжженнымъ на лбу позорнымъ клеймомъ—именемъ «палача», онъ въ теченіе нѣсколькихъ дней впалъ въ тяжелое состояніе духа, завершившееся легкимъ ударомъ. «Тогда то и былъ принятъ по настоянію домашнихъ и ближайшихъ сослуживцевъ... рядъ мѣръ по охранѣ дома. Прежде всего ген. Павловымъ лично былъ произведенъ опросъ всѣхъ нижнихъ чиновъ управленія и тщательный осмотръ всѣхъ помѣщеній и чердаковъ дома; дежурные дворники получили приказаніе находиться безотлучно у воротъ дома; дежурные писаря—нести службу по всей строгости инструкціи». «Въ концѣ августа и началѣ сентября, все вновь было осмотрѣно въ домѣ». Но и этого мало. «Надзоръ былъ установленъ не только за домашней прислугой, но и за сторожами и служителями зданій военно-юридической академіи и судныхъ установленій,

примыкающихъ къ квартирѣ Павлова». «Ежедневно между 3 и 6 час. дня, когда въ военно-юрид. академіи кончались лекціи, изъ зданія академіи удалялись всѣ служителя. Корридоры и аудиторіи тщательно осматривались, и только послѣ этого ген. Павловъ проходилъ черезъ дверь, спеціально пробитую для него въ стѣнѣ, по корридору, соединяющему академію съ квартирой, въ зданіе академіи, а оттуда уже въ судъ. Въ то же время входныя парадныя двери юридической академіи, закрывались глухими щитами и входъ въ указанное время, для кого бы то ни было въ зданіе былъ воспрещенъ». Павловъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ прекратилъ выѣзды, сносился съ подчиненными по телефону, гулялъ лишь по утрамъ, рано, во внутреннемъ дворикѣ, въ особомъ, обнесенномъ желѣзной рѣшеткою мѣстѣ; въ это время охрана входовъ во дворъ и помѣщенія достигала особеннаго напряженія. Какія мелочи тщательно предвидѣлись охраною, видно уже изъ слѣд. примѣра. «Въ томъ же домѣ, этажемъ ниже квартиры ген. Павлова, живетъ полковникъ, котораго по вечерамъ часто навѣщаютъ многочисленные знакомые. Въ видахъ предосторожности полковнику было воспрещено, принимать у себя гостей или во всякомъ случаѣ только при строгомъ контролѣ». И тѣмъ не менѣе то, что должно было свершиться... свершилось... Такъ же точно отмѣченъ издавна былъ и Лауницъ: еще въ Тамбовѣ, за безчисленные свои губернаторскіе подвиги, онъ былъ приговоренъ къ смерти мѣстнымъ комитетомъ П. С. Р. Когда, за тѣ же подвиги, онъ былъ поставленъ во главѣ всей охраны и полиціи Петербурга, ему пришлось при выѣздѣ изъ Тамбова очищать улицы отъ прохожихъ и проѣзжихъ, разставлять шпалерами солдатъ и полицейскихъ,—церемоніалъ, послужившій преобразомъ его будущаго траурнаго выѣзда изъ Петербурга—на кладбище... Начальникъ всѣхъ силъ петербургской охраны не могъ охранить даже самого себя...

Неудивительно, что послѣ всего этого престижъ революціи, долженъ былъ крайне подняться. «Аттака поведена въ лобъ и весь міръ не можетъ не поражаться успѣхами террористическихъ нападеній на центръ бюрократіи»—пишетъ «Русь». А вотъ для при-

мѣра отзывъ заграничной газеты—спокойной, буржуазной Neue Freie Presse. Она пишетъ, что нужно поражаться освѣдомленности и выдержанности революціонеровъ, что только могучая, несокрушимая организація можетъ такъ мѣтко направлять удары. Еще болѣе восторженными гимнами полна нынѣ особенно интересующаяся русскими дѣлами итальянская печать...

Тѣмъ настойчивѣе, конечно, вопли нашей реакціонной печати. Она откровенна. Она вопіетъ, почему не даютъ свыше приказа о погромѣ интеллигенціи, о варѳоломеевской ночи. «Русское Знамя» Булацеля, «Другъ» Крушевана и т. п. цинично откровенны. «Надо за смерть каждаго русскаго человѣка карать висѣлицей хотя бы трехъ «мирныхъ» буржуа — разныхъ Муромцевыхъ, Доргорукихъ, Маргулесовъ, Грузенберговъ, Короленокъ «et tutti quanti». «Терроръ прекратится, когда отвѣтственность распространятъ на разныхъ Мякотиныхъ, Петрункевичей, Родичевыхъ, Милюковыхъ и Гессеновъ». И вотъ черносотенная печать то призываетъ всѣмъ имъ фактически дать понять «о приготовленномъ веревочномъ ожерельи, по законамъ военно-полевого суда», то проситъ «хотя на одинъ день» снять полицейскую охрану личной неприкосновенности, по отношенію къ перечисленнымъ выше лицамъ и имъ подобнымъ и обѣщаются тогда разомъ «совершенно покончить съ революціей». Въ опредѣленіи числа подлежащихъ изъятію они скромны. «Временное французское правительство на испугалось упрековъ въ варварствѣ, разстрѣлявъ въ 1871 г. въ одинъ день 17000 коммунаровъ, и... спасло Францію. Достойный подражанія примѣръ»! «Правительству Русскаго Императора надо выбирать между гибелью Россіи и смертью, хотя бы нѣсколькихъ тысячъ проходимцевъ! Иного выхода, средняго пути нѣтъ»!

Всѣ эти отчаянно-истерическія каннибальскія завыванія черносотенной прессы показываютъ лишь, какъ больно уязвленъ звѣрь въ самое чувствительное мѣсто, какъ мечется онъ въ безсильной злобѣ, какъ ощупью ищетъ первыхъ попавшихся живыхъ существъ, чтобы сорвать на нихъ свою ярость. Посмотрите, пожалуйста, на этихъ Милюковыхъ, Гессеновъ и т. п., кото-

рыхъ хотятъ заставить отвѣчать за террористовъ! Еще недавно, по поводу смерти Игнатьева, эти господа писали въ «Рѣчи», что современный терроръ «принялъ ужасающія формы линчеванія», ибо какъ показываетъ примѣръ съ Игнатьевымъ, «мстятъ за прошлое, даже и далекое, не щадятъ и лицъ, давно сошедшихъ съ арены административной дѣятельности». Чтобы такъ жестоко попасть въ просакъ, поистинѣ, нужна вся торопливость кадета, жаждущаго всякаго повода, чтобы отгородиться отъ революціи и сказать, подобно «Рѣчи» нѣсколько мелкихъ и жалкихъ пошлостей о «рукѣ безумца», которую нельзя удержать репрессивными мѣрами, а потому слѣдуетъ прибѣгнуть къ либеральнымъ реформамъ. И этихъ то безвредныхъ созданій хотятъ убивать тысячами, чтобы убить терроръ? Поистинѣ, идея, достойная желтаго дома...

Вяло и слабо раздались было снова въ реакціонной печати перепѣвы, о необходимости диктатуры... Но что же реальнаго могутъ предложить тѣ, кого нынѣшняя фактическая диктатура Столыпина, все таки неудовлетворяетъ? Ничего—ни даже личности желаннаго «диктатора». Единственнымъ кандидатомъ, который былъ на устахъ у всѣхъ реакціонеровъ, являлся тотъ же самый гр. А. П. Игнатьевъ. И его то какъ разъ не стало... И вотъ теперь—какъ пишутъ газеты—«должно сомнѣваться, чтобы въ наличныхъ рядахъ русской бюрократіи существовало имя, вокругъ котораго могли бы неоспоримо съ ея же собственной стороны соединиться ожиданія, что при врученіи такому избраннику неограниченныхъ полномочій, онъ способенъ былъ привести страну къ спокойствію»... И тутъ, такимъ образомъ, «зіяющая пустота», и тутъ «брешь»...

Да, въ отвѣтъ на тяжелые удары карающей руки революціи, мы слышимъ и рѣчи о диктатурѣ, и обычные истерическіе выкрики, и не менѣе обычныя закрыванія съ оппозиціей и лязганье зубовъ волчьей пасти, и повиливанія лисьяго хвоста... Но все же это—или нерѣшительно, или вяло, или несерьезно...

Правящая камарилья на распутьи. Она не въ силахъ повернуться ни въ какую сторону. Она по традиціи держится на старыхъ позиціяхъ...

Да, она держится. И суровая, строгая исторія обращается къ революціонерамъ съ повелительнымъ возгласомъ: écrasez l'infâme! бейте гадину!

***

Нашъ долгъ, однако—нарисовать во весь ростъ тѣ величины, которыя только что сошли съ бюрократической сцены. 15-го декабря, въ Омскѣ казненъ генер. Литвиновъ, усмиритель Ставропольской губ. Имя его сравнительно мало извѣстно, но подвиги его не забыты крестьянами тѣхъ деревень, куда онъ являлся съ артиллеріей и отрядомъ казаковъ. Въ Ставропольской губ. крестьяне многихъ деревень, присоединились къ крестьянскому Союзу, составляли приговоры о не платежѣ податей, отказѣ давать рекрутовъ, отказѣ стражникамъ въ квартирахъ. Было нѣсколько случаевъ освобожденія арестованныхъ. Являясь въ такія мятежныя села, генералъ устанавливалъ пушки и подъ угрозой пальбы по деревнѣ, требовалъ отреченія отъ принятыхъ постановленій. Потомъ требовалъ выдачи зачинщиковъ. Въ селѣ Константиновскомъ, послѣ отказа крестьянъ выдачи «смутьяновъ», генералъ приказалъ палить изъ пушекъ, но приказаніе не было приведено въ исполненіе, благодаря отказу отъ стрѣльбы солдатъ и даже казаковъ. Выписали казаковъ-осетинъ и тогда только солдатами, которымъ угрожали ружьями казаки, было произведено 14 выстрѣловъ изъ орудій. Послѣ этого крестьяне подписали приговоръ составленный генераломъ.

Въ селѣ Петровскомъ стрѣляли пушками, выпустили 9 снарядовъ. На выручку явились крестьяне другого села, но встрѣченные дальнобойными ружьями, разбѣжались, оставивъ нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными. 28-го авг. были поставлены пушки въ селѣ Винодѣльномъ. Сходъ отказался выдать комитетъ, но подъ угрозой сжечь село, члены комитета были названы. Изъ нихъ 15 человѣкъ были найдены и до полу-смерти избиты нагайками. Тогда генералъ потребовалъ выдачи подстрекателей. Послѣ отказа, началась пальба. «Цѣлый день грохотали пушки и шрапнель

осыпала село пулями и осколками», разсказываетъ очевидецъ. Крестьяне отдали ему еще нѣсколько человѣкъ. Недѣлю оставался генералъ со своими войсками. Казаки забирали все безъ денегъ, разграбили нѣсколько лавченокъ, оскорбляли женщинъ. Такимъ образомъ генералъ усмирилъ Ставропольскую губернію. Нов. Вр. написало нѣсколько хвалебныхъ статей въ которыхъ воздавало честь необыкновенной твердости и вмѣстѣ съ тѣмъ мягкосердію ген. Литвинова. Но при этомъ ни въ одной изъ статей не упоминается о томъ, что артиллеристы и даже вѣрные казаки отказались отъ пальбы. А при такихъ условіяхъ трудно было принимать болѣе рѣшительные мѣры.

9-го декабря убитъ графъ Игнатьевъ.

Этотъ типичный аграрій, грузный и жирный человѣкъ, страдавшій одышкой, съ непомѣрно обрюзгшимъ лицомъ и заплывшими глазами, игралъ громадную роль въ Россіи, — устанавливалъ курсъ политики, вдохновлялъ реакцію и былъ однимъ изъ главныхъ ея двигателей.

По своему происхожденію онъ принадлежалъ къ самымъ высшимъ кругамъ и среди нихъ онъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Онъ былъ крупный землевладѣлецъ и защищалъ интересы аграріевъ и интересы абсолютизма, какъ собственную жизнь. Дебютировавъ въ качествѣ иркутскаго и затѣмъ кіевскаго генералъ-губернатора, онъ особенно выдвинулся съ начала эпохъ свободъ.

Онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ двухъ комиссій, въ одной изъ нихъ разрабатывались законы объ «охранѣ», въ другой онъ вырабатывалъ проекты о свободѣ «совѣсти». Но всѣ эти проекты не были осуществлены, такъ какъ въ это время Витте изготовилъ свою конституцію и, несмотря на борьбу съ нею графа Игнатьева, она была принята. Графъ считалъ непріемлемой всякую конституцію; въ рядѣ докладовъ, поданныхъ непосредственно царю, онъ совѣтовалъ не соглашаться на какое бы то ни было ограниченіе своей власти.

На этотъ разъ ему не удалось побѣдить Витте и болѣе «лѣвыхъ» членовъ его кабинета. Но по его настоянію были сдѣланы измѣненія въ первоначальныхъ

законопроектахъ о свободѣ печати, собраній, и особенно въ основныхъ законахъ.

Всѣ характеризуютъ его, какъ человѣка прямолинейнаго, не желавшаго признавать «никакихъ компромиссовъ». Для него самъ Треповъ былъ слишкомъ мягокъ. «Онъ былъ сторонникъ крайняго направленія, крайнихъ крутыхъ мѣръ, вплоть до военно-полевыхъ судовъ, на примѣненіи которыхъ онъ настаивалъ еще при кабинетѣ Витте». Онъ заставилъ Дурново возбудить этотъ вопросъ въ тогдашнемъ совѣтѣ министровъ; но тогда этотъ проектъ провалился.

Послѣ 17-го октября графъ удалился за кулисы. Но, какъ дѣятель, онъ не сошелъ со сцены, а лишь съ большей энергіей принялся за подпольную работу, скрытую отъ глазъ непосвященныхъ.

Образовался вліятельный кружокъ въ придворныхъ сферахъ, получившій названіе: «звѣздной палаты». Онъ вмѣстѣ съ Треповымъ былъ руководителемъ «звѣздной палаты», а со смертью послѣдняго онъ сталъ ея лидеромъ. Всѣ свои силы, всю свою неутомимую энергію онъ употреблялъ, чтобы подавить революцію, спасти абсолютизмъ и крупное землевладѣніе. Въ докладахъ онъ заявлялъ царю, что революцію необходимо загнать въ преисподнюю. «Если же не хватитъ войскъ, то надо кликнуть кличъ, призвать къ содѣйствію правительства добровольцевъ».

Для этой цѣли онъ сталъ главой патріотической группы и организовалъ пропаганду монархическихъ партій, чтобы и такимъ путемъ бороться съ пропагандой идей крайнихъ лѣвыхъ организацій. Онъ не скрывалъ своей ненависти къ Думѣ и настаивалъ на необходимости ея разгона.

Дѣятельности Государственнаго Совѣта большого значенія онъ не придавалъ, съ тѣхъ поръ, какъ въ его составъ вошли «разночинцы и журналисты», но на засѣданіяхъ бывалъ неизмѣнно и образовалъ правую группу, получившую названіе «Игнатьевской» или «Самаринской».

Къ инородцамъ и иновѣрцамъ, особенно къ полякамъ и евреямъ онъ относился крайне нетерпимо. Онъ былъ противникъ измѣненій закона о чертѣ осѣдлости

и настойчиво требовалъ всякихъ ограниченій для поляковъ. Когда въ особомъ совѣщаніи графа Сольскаго разсматривался вопросъ о выборахъ въ Думу въ Царствѣ Польскомъ, Игнатьевъ и Стишинскій остались при особомъ мнѣніи и т. д., и т. д.

Какъ злой геній, онъ былъ на стражѣ реакціи, ободрялъ тѣхъ, кто падалъ духомъ, вдохновлялъ на новыя кровавыя репрессіи, появлялся въ нужные моменты, когда требовалась его поддержка для усиленія репрессивныхъ мѣръ. Такъ, послѣ разгона Думы, его вызвали экстренно въ Петербургъ. И онъ много работалъ это время. Участвовалъ во всѣхъ засѣданіяхъ «звѣздной палаты», указывалъ путь, по которому должно пойти правительство и средства для его спасенія. Онъ намѣчалъ характеръ проектовъ и плановъ и всюду чувствовалось его вліяніе. Въ послѣднее время шла рѣчь объ установленіи диктатуры для болѣе рѣшительной борьбы съ революціей и графа Игнатьева называли будущимъ диктаторомъ. «Нов. Время» приводитъ слова графа о томъ, что «необходимо прежде всего сломить во что бы то ни стало крамолу, смуту, революцію; нужно возстановить государственную власть во всей ея силѣ». «Мнѣ представляется,—писалъ графъ,—собраніе Думы въ настоящій острый періодъ революціи неминуемой ужасной катастрофой».

Съ какой неутомимой энергіей дѣйствовалъ графъ, показывала его послѣдняя поѣздка въ Тверь. Онъ поѣхалъ туда, такъ какъ считалъ тверское земство крамольнымъ и своимъ личнымъ участіемъ хотѣлъ помочь дѣлу правыхъ.

Теперь, понятно, какую огромную и незамѣнимую потерю понесло въ его лицѣ русское правительство. Понятно также, что устраненіе этой мрачной фигуры, этого злого генія реакціи имѣетъ огромное политическое значеніе. Самый вопросъ о диктатурѣ приходится пока снять съ очереди, уже по одному тому, что нѣтъ даже подходящаго лица для этой роли.

Но еще не смолкъ шумъ—по поводу смерти графа, еще не успѣла осушить слезъ реакціонная печать, какъ раздался новый выстрѣлъ

Какъ ударъ громовой, всенародная казнь
Надъ злодѣемъ безумнымъ свершилась,
То одна изъ ступеней у трона царя
Съ гулкимъ трескомъ долой отвалилась.

21-го декабря приведенъ въ исполненіе приговоръ надъ петербургскимъ градоначальникомъ фонъ-деръ-Лауницемъ. Онъ былъ однимъ изъ «стаи славной» тамбовскихъ усмирителей, на растерзаніе которыхъ была отдана губернія. Его имя неразрывно связано съ именами Богдановича, Луженовскаго, Абрамова и Жданова. Соединила ихъ въ одно цѣлое общая дѣятельность, а теперь навсегда скрѣпила общая участь—казнь. Лауницъ былъ губернаторомъ въ Тамбовѣ и тамъ во всю ширь развернулись его способности. Онъ получилъ тамъ прозвище «Волчья Пасть». И это названіе, какъ нельзя болѣе подходило къ нему, злобному гонителю всего человѣческаго, одному изъ наиболѣе видныхъ рыцарей мрака, которымъ ненавистно малѣйшее проявленіе свободы. Онъ нашелъ достойныхъ помощниковъ въ лицѣ вице-губернатора Богдановича и совѣтника губернскаго правленія Луженовскаго. Втроемъ они неограниченно управляли всей губерніей. Лауницъ былъ первымъ организаторомъ черной сотни и покровителемъ погромщиковъ. При немъ особенно прославился мѣстный оффиціальный органъ — «Тамбовскія Губернскія Вѣдомости». Ближайшимъ сотрудникомъ былъ Луженовскій. Когда же не хватало собственныхъ силъ, перепечатывались статьи изъ «Моск. Вѣдом.», «Дня» и газета существовала, заражая воздухъ зловреднымъ дыханіемъ злобы и клеветы, отравляя невѣжественный, темный людъ ядомъ своихъ гнусныхъ статей.

Шла систематическая травля интелигенціи, печатались призывы къ избіенію общественныхъ дѣятелей, къ расправѣ надъ «крамольниками, измѣнниками». Сельскія волости заставляли выписывать черносотенной органъ, въ городѣ усердно занимались распространеніемъ газеты, среди темныхъ массъ. Прогрессивная же газета «Тамбовскій Голосъ», подверглась небывалому гоненію, такъ что въ концѣ концовъ она вынуждена была закрыться. Губернаторъ Лауницъ собственной

властью отобралъ цензуру отъ вице-губ. и назначилъ на его мѣсто Луженовскаго. Его цензура была сплошнымъ издѣвательствомъ и преслѣдовала одну цѣль—задушить газету. Всѣ дѣла по управленію городомъ и губерніей рѣшались «тріумвиратомъ», совмѣстно на общемъ совѣтѣ. Карательныя экспедиціи посылались по приказу губернатора и всѣ истязанія въ деревняхъ происходили съ его одобренія. Крестьянъ или учителей, которые приходили съ жалобами изъ деревень, онъ не принималъ. Одинъ священникъ, пораженный звѣрствами карательной экспедиціи, бросился искать защиты и требовать справедливости у всемогущаго губернатора. Ему удалось добиться аудіенціи и разсказать о насиліяхъ надъ женщинами, о грабежахъ и и истязаніяхъ, которымъ подвергаются крестьяне. Губернаторъ, выслушавъ все это, спокойно отвѣтилъ: «что жъ, другихъ средствъ успокоенія я не знаю». Другихъ средствъ онъ не зналъ даже тогда, когда прилось имѣть дѣло съ толпой дѣтей — демонстрантовъ.

14-го октября, во время попытки проведенія въ городѣ всеобщей забастовки, къ ней примкнули ученики и ученицы средне-учебныхъ заведеній. Покинувъ классы, они вышли толпой на улицу. Скоро ихъ оцѣпили солдаты и черная сотня. Подъѣхалъ Лауницъ, распорядился бить и самъ руководилъ избіеніемъ. Съ наслажденіемъ смотрѣлъ онъ съ экипажа, какъ звѣрски истязали толпу дѣтей, и до конца избіенія, когда дѣти или разбѣжались или лежали безъ чувствъ на землѣ, Лауницъ любовался зрѣлищемъ дикой расправы взрослыхъ вооруженныхъ людей съ толпой безоружныхъ юношей и дѣтей. Особенно ярко характеризуетъ Лауница, одинъ изъ эпизодовъ этой ужасной сцены. Одинъ изъ мальчиковъ, преслѣдуемый здоровымъ черносотенцемъ, бросился къ экипажу губернатора, желая скрыться за нимъ. Лауницъ указалъ на него преслѣдователямъ, тѣ схватили несчастнаго и продолжали избіеніе. Былъ избитъ, за то, что заступился за дѣтей членъ окр. суда, старикъ. Мѣстные адвокаты и мн. другіе подали жалобу, но эта жалоба для Лауница явилась рекомендаціей. Всѣ насильники всегда находили покровитель-

ство и поддержку у губернатора. И правленіе его дало осязательные результаты, пышнымъ цвѣтомъ расцвѣло насиліе, такъ заботливо насаждаемое и охраняемое Лауницемъ. Карательныя экспедиціи производили небывалые звѣрства, выдвинулся цѣлый рядъ заплечныхъ мастеровъ вродѣ Абрамова и Жданова, черносотенцы открыто вели свою погромную пропаганду. Тамбовскій комитетъ П. С. Р. по 14-го октября отвѣтилъ объявленіемъ смертнаго приговора всѣмъ тремъ правителямъ. Но онъ не былъ тогда приведенъ въ исполненіе, т. к. послѣ 17-го октября, въ эпоху свободъ временно пріостановилась террористическая дѣятельность. На этотъ разъ Лауницу удалось избѣгнуть смертной казни. Когда же снова наступила реакція и сгустился мракъ, снова выдвинулись прежніе дѣятели и твердо заняли вліятельные посты, соотвѣтственно прежнимъ заслугамъ своимъ передъ отжившимъ режимомъ, былъ возстановленъ приговоръ и исполненъ надъ Богд. и Луж., но Лауницъ вскорѣ былъ назначенъ градоначальникомъ Петербурга и оказался достойнымъ пріемникомъ Трепова. Онъ блестяще исполнялъ принятыя на себя обязанности охраны столицы. Недаромъ «Моск. Вѣдом.» въ некрологѣ посвященномъ Лауницу говорятъ, что «ему и никому болѣе обязана Россія».

Со словъ графа Игнатьева, газета «Другъ» свидѣтельствуетъ, что Лауницъ «рѣшилъ судьбу кадетскаго кабинета». Онъ представилъ докладъ-рапортъ, въ которомъ рѣшительно проситъ «одновременно съ подписаніемъ указа, объ образованіи думскаго кабинета подписать и указъ объ увольненіи его, ген. Лауница». «Этотъ рапортъ въ рѣшительную минуту сыгралъ большую роль». Не меньшую роль сыграло его заявленіе, когда шла рѣчь о разгонѣ Думы. Правительство колебалось, боялись вооруженнаго возстанія, но Лауницъ сказалъ, что «онъ беретъ на себя полную отвѣтственность за спокойствіе въ столицѣ». И разгонъ состоялся при такихъ драконовскихъ полицейскихъ мѣрахъ, которыя обезпечили «спокойствіе». Съ неуклонной строгостью преслѣдовалъ онъ дворниковъ, извозчиковъ, домовладѣльцевъ за неисполненіе полицейскихъ обязанностей. Постоянно въ газетахъ появлялись сообщенія о взыска-

ніяхъ и штрафахъ налагаемыхъ градоначальникомъ *). Безконечной вереницей тянутся сообщенія о высылкахъ, арестахъ, обыскахъ по приказу градоначальника. При немъ обыски и аресты достигли неслыханныхъ размѣровъ. Усилены наряды полиціи, вооружены старшіе дворники, увеличено число тайныхъ агентовъ. Онъ окружая себя всякими охранителями, рѣдко показывался на улицу. Но не смотря на это не удалось ему уйти отъ казни, которой одинъ разъ онъ счастливо избѣгнулъ въ Тамбовѣ. Приговоръ и надъ нимъ былъ исполненъ.

Не удалось ея избѣгнуть другому герою нашего мрачнаго времени генералу Павлову. Даже въ нашу эпоху, выдвинувшую цѣлый рядъ служителей насилья и гнета, даже въ наше время, когда у всѣхъ вѣрныхъ слугъ самодержавія разнузданы всѣ звѣрскіе инстинкты и данъ полный просторъ проявленію неистовой злобы, даже теперь, на фонѣ реакціи особенно темнымъ пятномъ, выдѣлялася фигура главнаго прокурора, всероссійскаго палача генерала Павлова. Всѣмъ памятно его появленіе Думѣ, встрѣченное криками: «палачъ, убійца!» и требованіями оставить залъ засѣданія. Одно общее чувство гнѣва и презрѣнія соединили въ этотъ разъ всѣхъ депутатовъ и залъ огласился единодушнымъ крикомъ—«палачъ»!

Спокойнымъ и злобнымъ взглядомъ мѣрилъ онъ залъ засѣданія, ни одинъ мускулъ на его лицѣ не дрогнулъ, онъ лишь слегка поблѣднѣлъ, подавленная ненависть и пренебреженіе выражались во всей его фигурѣ, сквозили въ каждомъ жестѣ. Чувствовалось, что единодушный крикъ депутатовъ выражаетъ настроеніе всей страны и всей же странѣ отомститъ оскорбленный генералъ. Какъ отомстилъ. Онъ организовалъ полевые суды, по всей Россіи онъ воздвигъ эшафоты, онъ растопталъ правосудіе и насмѣялся надъ всѣми человѣческими представленіями о справедливости. Всей странѣ

---

*) Вотъ для примѣра нѣсколько наудачу взятыхъ цифръ: 14-го Сентября, оштрафовано 228 дворниковъ и 224 извозчика; 14-го Октября—160 извозчиковъ; 29-го Окт. выслано по приказу градоначальника 129 человѣкъ—и т. д., и т. д.

былъ брошенъ вызовъ, надъ всей страной тяготѣла его кровавая месть. Каждый день происходили суды безъ защитниковъ, каждый день вѣшались и разстрѣливались люди, часто невинные, даже съ оффиціальной точки зрѣнія. Когда Дума вырабатывала законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни, въ Ригѣ были приговорены къ смерти 8 молодыхъ людей, почти дѣтей. Невиновность ихъ была очевидна. Дума ходатайствовала передъ правительствомъ объ отмѣнѣ приговора и пересмотрѣ дѣла. Павловъ послалъ телеграмму въ Ригу съ приказомъ немедленно привести въ исполненіе приговоръ. И юноши были разстрѣлены. Приговоръ депутата Онипко къ ссылкѣ Павловъ по телеграфу кассировалъ, требуя примѣненіе смертной казни. Извѣстенъ также случай съ нашимъ товарищемъ Бунаковымъ, оправданномъ судомъ по полному отсутствію уликъ, когда Павловъ отдалъ приказъ объ его арестѣ и кассировалъ приговоръ. Совсѣмъ недавно 4 человѣка были приговорены къ вѣчной каторгѣ, но по требованію Павлова снова преданы суду, приговорены къ смерти и казнены въ тотъ же день. Итакъ, когда даже эти дикіе военно-полевые суды иногда не находятъ возможнымъ приговаривать свои жертвы къ смерти, замѣняя ее каторгой, когда даже губернаторы иногда ходатайствовали о смягченіи приговоровъ, Павловъ остается непреклоненъ и непремѣнно требуетъ смерти. Опубликованъ секретный приказъ Павлова ко всѣмъ губернаторамъ, запрещающій обращаться къ государю съ ходатайствомъ о смягченіи приговоровъ. Характерно, что этотъ приказъ былъ розосланъ тогда, когда вся печать говорила о судебныхъ ошибкахъ, какъ это было въ дѣлѣ Звѣрева, казненнаго по ошибкѣ, которая открылась на другой день послѣ казни.

Казалось, онъ боялся, что орудіе смерти на одинъ лишь день пріостановитъ свою смертоносную дѣятельность или хотя бы только замедлитъ ее. А ему нужна была новая кровь, какъ вампиру, который питается ею. Во всѣхъ случаяхъ замѣны смертной казни каторгой, Павловъ кассировалъ приговоръ, какъ будто боялся, что будетъ пролито меньше крови и не будетъ удовлетворена его неутолимая жажда. Среди своихъ онъ не

былъ крупнымъ, выдающимся дѣятелемъ, руководителемъ, ни большого ума, ни большой инициативы онъ не проявлялъ, но фигура его приняла колоссальные размѣры, благодаря этой ни съ чѣмъ не сравнимой кровожадности и небывалой твердости въ достиженіи намѣченной цѣли. Въ то время, когда все чаще и чаще бывали случаи отказовъ палачей, когда все труднѣе находить исполнителей, когда даже военные судьи нерѣдко покидаютъ свои мѣста, этотъ всероссійскій палачъ не уставая подписывалъ новые смертные приговоры и требовать новыхъ смертныхъ казней. Говорятъ даже въ высшихъ сферахъ его сторонились, какъ сторонятся палача, угождая ему передъ казнью и отворачиваясь въ другое время. Даже «Новое Время» не посвятило ему хвалебнаго некролога и ограничилось на этотъ разъ точнымъ описаніемъ его смерти.

Эти четыре офицеры—Литвиновъ, разстрѣливающій изъ пушекъ и сжигающій до тла села и деревни,—Игнатьевъ, за кулисами сосредоточивающій нити интригъ и вліяній, чтобы толкать на путь кровавыхъ репрессій,—Лауницъ, опора «порядка» и «охраны» въ городахъ и столицахъ и, наконецъ, Павловъ, готовый безъ колебаній собственными руками потуже затянуть веревку на шеѣ повѣшеннаго и въ новомодномъ военномъ мундирѣ, вмѣсто устарѣлой красной рубахи палача,—развѣ не олицетворяются въ нихъ всѣ ужасы современнаго режима, у котораго «изо всѣхъ поръ сочится кровь и грязь?».

12197

Изданіе Центр. Комитета П. С.-Р.